КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА:

ГЕНЕЗИС, ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Собиров Нематжон
к.ф.н., профессор, Ферганский государственный университет
Эгамбердиева Мадинабону Толибжон Кизи
Магистрант, Ферганский государственный университет

Аннотация. В статье исследуется генезис и трансформация концепции любви в художественном творчестве А.С. Пушкина. Прослеживается эволюция любовного мотива от ранней эротической лирики к зрелой философско-этической рефлексии, раскрывается взаимосвязь темы любви с категориями свободы, творческого призвания и нравственного выбора. Анализируются психологические, семиотические и экзистенциальные аспекты пушкинской любовной поэтики, выявляется её соотношение с западноевропейской романтической традицией. На материале лирических и прозаических произведений демонстрируется, как Пушкин преодолевает романтические клише, формируя психологически достоверную и эстетически сбалансированную модель чувства, актуальную для современного литературоведческого дискурса.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, концепция любви, эволюция мотива, свобода и чувство, нравственный выбор, поэтика лирики, психологизм, художественный мир, русский романтизм, литературоведческий анализ, сравнительное литературоведение.

A.S.PUSHKIN IJODIDAGI MUHABBAT KONSEPSIYASI: GENEZIS, TRANSFORMATSIYA VA ZAMONAVIY TALQINLAR

Sobirov Ne'matjan
f.f.n., professor, Farg'ona davlat universiteti
Egamberdiyeva Madinabonu Tolibjon qizi

Magistrant, Farg'ona davlat universiteti

Annotatsiya. Maqolada A.S. Pushkinning badiiy ijodidagi muhabbat konsepsiyasining shakllanishi va rivojlanishi o'rganiladi. Dastlabki erotika lirikasidan yetuk falsafiy-axloqiy tafakkurgacha bo'lgan muhabbat motivining evolyutsiyasi kuzatiladi, muhabbat mavzusining erkinlik, ijodiy vazifa va axloqiy tanlov kategoriyalari bilan bog'liqligi ochib beriladi. Pushkin lirikasining psixologik, semiotik va ekzistensial jihatlari tahlil qilinadi. Lirik va nasriy asarlar materiali asosida Pushkin romantik klishalardan qanday oshib o'tib, psixologik ishonchli va estetik muvozanatli hissiyot modelini shakllantirgani ko'rsatiladi.

Kalit so'zlar: A.S. Pushkin, muhabbat konsepsiyasi, motiv evolyutsiyasi, erkinlik va hissiyot, axloqiy tanlov, lirika poetikasi, psixologizm, badiiy olam, rus romantizmi, qiyosiy adabiyotshunoslik tahlili.

Концепция любви в творчестве А.С. Пушкина занимает центральное место в системе его художественного мира, выступая не просто как тематический мотив или лирический топос, но как фундаментальная философская и эстетическая категория, определяющая поэтику, этику и эволюцию авторского сознания [1]. Для Пушкина любовь никогда не была абстрактной идеализацией или сентиментальной фикцией: она мыслилась как живая, многомерная сила, прошедшая сложный путь от лёгкой эротической игры до глубокого экзистенциального и духовного переживания. В его лирике, прозе и драматургии любовный опыт осмысливается в неразрывной связи с темами свободы, творческого призвания, исторической судьбы и нравственного выбора.

Исследователи справедливо отмечают, что пушкинское понимание любви отказывается от однозначных трактовок и догматических схем: оно диалектично, исторически подвижно и психологически достоверно [2]. Данная работа ставит своей целью не только проследить генезис и трансформацию любовной концепции в пушкинском корпусе, но и вписать её в более широкий компаративный и теоретический контекст — с учётом

современных методологических парадигм, включая нарратологию, гендерные исследования и когнитивную поэтику. Это позволяет по-новому осмыслить пушкинскую «философию любви» как устойчивую культурную модель, продолжающую формировать этические и эстетические ориентиры как русской, так и мировой литературы.

Формирование пушкинской концепции любви происходило в уникальном культурно-историческом контексте, где пересекались традиции европейского Просвещения, сентиментализма, классицизма, английского романтизма и русской поэтической школы XVIII века [3]. В лицейский период Пушкин активно усваивает каноны анакреонтической и овидиевской лирики, где любовь предстаёт как естественный, радостный импульс, не отягощённый метафизическими тревогами или моральными запретами. Стихотворения «Желание», «К ней», «Певец» демонстрируют культовое отношение к чувственному наслаждению.

Однако уже в эти годы намечается переход к более сложной рефлексии: любовный опыт начинает соотноситься с вопросами времени, памяти, творческого одиночества и экзистенциальной незавершённости. Влияние байронизма, усвоенного поэтом в годы южной ссылки, привносит в любовную тему мотивы роковой страсти, разлада с миром, трагической обречённости и несовместимости идеала с действительностью. Однако Пушкин довольно быстро преодолевает романтический экстремизм, движимый внутренним стремлением к художественной и нравственной гармонии [4]. Его концепция любви постепенно освобождается от иллюзий абсолютного обладания и превращается в пространство внутреннего диалога, где эротическое влечение сочетается с этическим уважением, эстетическим восхищением и философской дистанцией.

Важен и социально-исторический фон эпохи: послевоенная Россия 1812 года, пробуждение национального самосознания, декабристские идеи освобождения личности — всё это создаёт особый ценностный климат, в

котором любовь неизбежно приобретает измерение гражданского и нравственного выбора. Пушкин аккумулирует в своём творчестве оба полюса эпохи: интимную лирику личного переживания и широкий общественно-исторический горизонт, превращая любовный мотив в призму, сквозь которую преломляются и индивидуальная судьба, и судьба нации.

Эволюция любовной концепции в пушкинском творчестве чётко структурируется по периодам, каждый из которых фиксирует определённую стадию духовного и художественного созревания. Ранняя лирика характеризуется лёгкостью, игривостью и культом наслаждения, где любовь мыслится как эстетический и чувственный праздник. Однако уже в стихотворении «Воспоминание» (1828) намечается принципиальный поворот: любовь становится источником не только радости, но и мучительного осознания быстротечности времени.

Период Михайловской ссылки знаменуется углублением психологизма и появлением мотивов жертвенности, разлада и экзистенциального испытания. В поэме «Цыганы» любовь сталкивается с вопросом о свободе и собственничестве: страсть Алеко оказывается разрушительной силой, не способной принять независимость другого, что превращает любовный союз в поле нравственного конфликта.

В «Евгении Онегине» пушкинская концепция любви достигает своей наиболее сложной и полифоничной формы. Татьяна Ларина воплощает идеал нравственной верности и внутренней цельности. Онегин же демонстрирует трагедию эмоциональной несостоятельности и интеллектуальной усталости [5]. Любовь здесь перестаёт быть исключительно личным переживанием — она становится этическим выбором, испытанием характера и мерой духовной зрелости. Наконец, в зрелой лирике («На холмах Грузии лежит ночная мгла…», «Я вас любил…», «Я помню чудное мгновенье…») любовь обретает черты созерцательной гармонии: чувство существует как самостоятельная

духовная ценность, преображающая внутренний мир лирического субъекта [6].

Особое значение в пушкинской системе координат приобретает взаимосвязь любви с темой свободы и творческого призвания. Для Пушкина любовь не противостоит свободе, но и не подчиняет её: в идеальном варианте они находятся в диалектическом единстве. Любовь, лишённая свободы, превращается в тиранию, ревность или духовное рабство, тогда как свобода без любви рискует стать холодной отчуждённостью или экзистенциальным вакуумом.

Данная диалектика особенно ярко проявляется в «Маленьких трагедиях», где Пушкин исследует деструктивные варианты любовного переживания. В «Каменном госте» Дон Гуан воплощает любовь-завоевание, неспособную к подлинной близости и обречённую на столкновение с нравственным законом. В «Скупом рыцаре» любовь к золоту — гротескный двойник подлинного чувства — демонстрирует, к чему приводит замещение живого человека мёртвым предметом страсти [9]. Через эти образы Пушкин утверждает: любовь как этическая категория предполагает признание другого как суверенного субъекта, а не объекта потребления или обладания.

Принципиально важен и гендерный аспект пушкинской этики любви. Женские образы в его творчестве — Татьяна, Маша Миронова, Земфира — обладают автономной нравственной волей, нередко превосходящей духовную зрелость мужских персонажей. Пушкин тем самым опровергает патриархальную модель, где женщина является пассивным объектом любовного дискурса, и утверждает принцип равноценности субъектов чувства, что придаёт его концепции подлинно гуманистическое измерение [10].

Пушкинская концепция любви не существует изолированно — она формировалась в постоянном диалоге с западноевропейской литературной традицией. Наиболее очевидна связь с Байроном: оба поэта разрабатывают

тип разочарованного, «лишнего» героя, неспособного к полноценному любовному слиянию. Однако если у Байрона эта неспособность нередко романтизируется и абсолютизируется, Пушкин подвергает её критическому анализу и в конечном счёте преодолевает в образах зрелой лирики [11].

Сравнение с Гёте открывает иной пласт параллелей. Любовная лирика Гёте — от «Страданий молодого Вертера» до «Западно-восточного дивана» — также строится на диалектике страсти и самоотречения, чувства и духовного роста. Пушкин, в отличие от Гёте, избегает мистической символизации чувства, предпочитая психологическую конкретность и сдержанный лаконизм. Тем не менее оба поэта сходятся в понимании любви как формы самопознания и способа преодоления экзистенциального одиночества.

Во французской традиции наиболее близкими Пушкину по духу оказываются Шатобриан с его темой «болезни века» и Вольтер с культом разумного чувства. Пушкин воспринял от французской литературы иронический взгляд на любовный дискурс, защиту от сентиментального самообмана и способность рефлексировать над собственными переживаниями, не теряя их подлинности. Это сочетание искренности и иронии, страсти и дистанции составляет одну из наиболее устойчивых черт пушкинской любовной поэтики.

Прозаические произведения Пушкина подтверждают многогранность его любовной концепции. В «Капитанской дочке» любовь Петруши Гринёва к Маше Мироновой проверяется в экстремальных условиях исторического катаклизма — Пугачёвского восстания. Здесь любовь перестаёт быть частным делом и приобретает историческое и нравственное измерение: верность возлюбленной оказывается неотделима от верности долгу, чести и человеческому достоинству.

В «Пиковой даме» любовный мотив переплетается с темами рока, иррациональной одержимости и утраты человечности. Германн жертвует

живым чувством ради мёртвой тайны, превращая любовь в инструмент корыстного расчёта. Этот образ представляет собой антитезу пушкинскому идеалу любви как открытости и доверия [12]. «Станционный смотритель» разрабатывает тему родительской любви-жертвы, безмолвной и невостребованной, тогда как «Барышня-крестьянка» и «Метель» представляют любовь в её комедийно-игровых и судьбоносных вариантах, демонстрируя способность чувства преодолевать социальные барьеры и случайности судьбы.

В совокупности прозаические тексты Пушкина формируют своеобразный «атлас» любовных ситуаций и судеб, где каждый сюжет выявляет новую грань темы: любовь испытывается историей, властью, социальными условностями, нравственным выбором и роковым случаем. При этом авторская позиция неизменно сохраняет аналитическую дистанцию, не позволяя ни одному варианту любовного переживания превратиться в абсолютную норму.

Художественное воплощение любовной концепции у Пушкина отличается высочайшей эстетической отточенностью и структурной сбалансированностью. Поэт мастерски использует контраст, параллелизм, инверсию и метрические сдвиги для передачи динамики чувства. Характерна семантика молчания и паузы: недосказанность, незавершённость фразы, многоточие становятся у Пушкина формой уважения к тайне чувства и к свободе другого [7].

В «Евгении Онегине» пушкинский «роман в стихах» демонстрирует уникальную способность соединять интимное переживание с широким социальным и историческим контекстом, где любовный сюжет становится осью, вокруг которой вращаются вопросы национальной идентичности, культурного развития, гендерных ролей и нравственного выбора [8]. Так называемая «пушкинская строфа» (онегинская строфа из 14 строк) выполняет не только формальную, но и смысловую функцию: её трёхчастная структура

(тезис — антитезис — синтез) воспроизводит диалектический ритм любовного переживания, его подъём, кризис и разрешение.

На уровне метафорики пушкинский любовный текст строится на системе природных образов, связанных с темами расцвета, увядания, света и тени. Особую роль играют мотивы воспоминания и забвения: любовь у Пушкина неотделима от памяти как нравственного акта, свидетельствующего о способности человека сохранять верность пережитому чувству даже в его отсутствие. Это придаёт любовной лирике Пушкина измерение временно́й глубины, превращая отдельное переживание в событие духовной биографии.

Современное литературоведение рассматривает пушкинскую концепцию любви в русле нарратологии, семиотики, гендерных исследований, когнитивной поэтики и культурной антропологии. С точки зрения нарратологии исследователей привлекает вопрос о нарративных стратегиях репрезентации любовного переживания: как оно «рассказывается», какие точки зрения задействованы, как соотносятся голоса автора, лирического героя и персонажей [13].

Когнитивная поэтика исследует, каким образом концептуальные метафоры — «любовь как путь», «любовь как огонь», «любовь как болезнь» — структурируют любовный дискурс в пушкинских текстах и каким образом читательское воображение достраивает эмоциональный смысл недосказанного. Применение теории Theory of Mind (Zunshine) позволяет анализировать психологическое измерение пушкинских персонажей: способность Татьяны «читать» намерения Онегина, её эмпатию и нравственную зоркость, принципиально отличающие её от «ментально слепого» Алеко или Германна [14].

Гендерные исследования выявляют, как Пушкин переосмысляет традиционные ролевые модели: его героини — не пассивные объекты любовного дискурса, но активные субъекты нравственного выбора и смыслополагания. Постколониальный и кросс-культурный подходы, в свою

очередь, позволяют рассматривать пушкинский любовный дискурс в контексте диалога между русской культурой и восточными, западноевропейскими и народными традициями, что особенно актуально для рецепции пушкинского наследия в странах Центральной Азии.

Концепция любви в творчестве Пушкина остаётся не просто историко-литературным феноменом, но актуальной моделью духовного и художественного поиска, в которой органично синтезируются разум и чувство, личное и общечеловеческое, временное и вечное. Пушкин не предлагает готовых рецептов счастья, но указывает на то, что любовь — это прежде всего работа души, требующая честности, мужества, способности к трансформации и готовности принять несовершенство мира.

Отказ от догматизма, внимание к психологической динамике, этическая ответственность героя перед чувством, признание свободы другого как условия подлинной близости — все эти принципы делают пушкинскую модель актуальной в эпоху эмоциональной фрагментации, виртуальных коммуникаций и трансформации традиционных ценностей. Дальнейшее развитие этой проблематики требует интеграции историко-поэтического анализа с современными теоретическими парадигмами — нарратологией, когнитивной поэтикой, гендерными исследованиями, цифровыми методами анализа текстов — сохраняя при этом внимание к эстетической специфике пушкинского слова и его способности говорить о любви не как о догме, но как о живом, дышащем опыте человеческого существования.

Именно в этом равновесии кроется секрет непреходящей ценности пушкинского наследия, продолжающего формировать этические и эстетические ориентиры как русской, так и мировой культуры. Исследование рецепции пушкинской любовной концепции в компаративистском ключе — в том числе в контексте узбекской и восточной литературных традиций — представляется перспективным направлением, способным обогатить как отечественное, так и зарубежное пушкиноведение.

Список литературы:

1. Лотман, Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий / Ю. М. Лотман. — Л.: Просвещение, 1983. — 340 с.
2. Виноградов, В. В. Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1999. — 624 с.
3. Гуковский, Г. А. Пушкин и русские романтики / Г. А. Гуковский. — М.: Наука, 1965. — 324 с.
4. Эйхенбаум, Б. М. О Пушкине / Б. М. Эйхенбаум. — Л.: Художественная литература, 1988. — 415 с.
5. Томашевский, Б. В. Пушкин: Кн. 1–2 / Б. В. Томашевский. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956–1961. — Т. 1. — 688 с.
6. Чудаков, А. П. Поэтика Пушкина / А. П. Чудаков. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 392 с.
7. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1979. — 448 с.
8. Гаспаров, М. Л. О русской поэзии: Исследования / М. Л. Гаспаров. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
9. Фейнберг, И. Л. Незавершённые произведения Пушкина / И. Л. Фейнберг. — М.: Наука, 1979. — 320 с.
10. Зверев, А. М. Пушкин и мировая литература / А. М. Зверев. — М.: Просвещение, 1987. — 264 с.
11. Бочаров, С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки / С. Г. Бочаров. — М.: Наука, 1974. — 208 с.
12. Сидяков, Л. С. Художественная проза Пушкина / Л. С. Сидяков. — Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1973. — 218 с.
13. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
14. Zunshine, L. Why We Read Fiction: Theory of Mind and the Novel / L. Zunshine. — Columbus: Ohio State University Press, 2006. — 196 p.